

Закованная тьма

Ксана Вильневски

18+

Ксана Вильневски
Закованная тьма

«Автор»

2026

Вильневски К.

Закованная тьма / К. Вильневски — «Автор», 2026

Они сковали меня серебром, заперли в самом глубоком подземелье Ордена и думали, что укротили. Для них я — древнее зло, кровожадный монстр из готических легенд, который должен сгореть на рассвете. Капитан Итан Вейн — их лучшая ищейка. Холодный, непоколебимый, с железными принципами и шрамами на руках. Он презирует меня, молится своим богам и клянется, что не дрогнет, когда затянет петлю на моей шее. Но каждую ночь он спускается в мою камеру. Он думает, что проводит допрос. Он думает, что контролирует ситуацию. Он не понимает, что с каждым шагом, с каждым тяжелым вздохом в темноте он сам затягивает петлю на своей душе. Мой голос — его яд, мой запах — его проклятие. Кто из нас настоящий узник — я, закованная в эти цепи, или суровый капитан, который готов продать веру за один мой укус?

© Вильневски К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дыхание бездны	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ксана Вильневски

Закованная тьма

Глава 1. Дыхание бездны

Сырость инквизиторских подземелий пропитывала одежду до самых костей. Здесь, на четвертом подземном ярусе цитадели Святого Креста, пахло не просто мокрым камнем и старой плесенью — здесь пахло застарелым, вьевшимся в гранит страхом. Капли воды срывались со сводчатого потолка, с тихим, мерным стуком разбиваясь о холодные плиты пола. Этот звук мог свести с ума любого, кто проводил здесь больше суток. Любого человека. Но та, что сидела в самом конце коридора, человеком не была.

Капитан Итан Вейн остановился перед тяжелой дубовой дверью, окованной полосами потемневшего от времени серебра. На груди капитана тускло блеснул массивный орденский жетон — символ абсолютной, непререкаемой власти в этом городе. Рука в жесткой кожаной перчатке легла на рукоять тяжелого меча, висевшего на поясе. Итан был утомлен. Позади были двое суток непрерывной охоты в пригородных лесах, сожженная дотла карета, трое погибших рекрутов и, наконец, она. Добыча, которую Орден пытался выследить последние полвека.

— Капитан, — негромко произнес конвоир, стоявший на часах у двери. Его голос заметно дрожал, несмотря на массивный самострел в руках. — Она не издала ни звука с самого момента, как её привезли. Не просила воды, не пыталась вырвать штыри. Просто сидит там. В темноте.

— Проверяли защитные руны на кандалах? — голос Итана прозвучал хрипло, низко, разрезая гулкую тишину коридора.

— Дважды, сэр. Серебряная вязь цела. Штыри уходят в камень на поллоктя. Из этой клетки нет выхода. Ни для людей, ни для... неё.

Итан молча кивнул. Он не верил в безупречность замков, когда дело касалось тварей её порядка. Ему было тридцать два года, половину из которых он провел, зачищая столичные трущобы и древние склепы от тех, кто питался человеческой жизнью. Он видел, как ломаются железные прутья под пальцами голодных носферату, видел, как старые инквизиторы сходили с ума, просто наслушавшись шепота из-за решетки.

Капитан достал из-за пояса массивный святой ключ, провернул его в замочной скважине. Тяжелый засов отошел с противным, скрежещущим звуком, который эхом разнесся по подземному переходу. Итан вошел внутрь, плотно закрыв за собой дверь. Охранник остался снаружи — приказ капитана был предельно ясен: ни одна живая душа не должна была входить в камеру во время допроса.

Внутри царил полумрак. Единственным источником света была узкая, забранная толстой решеткой отдушина под самым потолком, через которую пробивался бледный, холодный свет луны. Воздух в камере казался неестественно морозным, от дыхания Итана сразу пошел густой белый пар.

В самом центре квадратного каменного мешка, прямо на холодном полу, сидела она.

Её руки были разведены в стороны и скованы тяжелыми цепями, звенья которых были густо покрыты гравировкой из священных писаний Ордена. Кандалы врезались в тонкие, неестественно бледные запястья. На бледной коже в местах соприкосновения с серебром проступали темные, уродливые ожоги — металл буквально выжигал её плоть, но она даже не морщилась. Длинные, как вороново крыло, черные волосы спускались по плечам, частично закрытая порванное на рукавах дорогое бархатное платье винного цвета.

Итан остановился в трех шагах от нее, за пределами досягаемости её рук, если бы цепи вдруг ослабли. Он заложил руки за спину, широко расставив ноги в тяжелых армейских сапогах. Профессиональный взгляд инквизитора подмечал детали: тонкая шея, хрупкие ключицы, изящные пальцы с неестественно острыми, ухоженными ногтями. На первый взгляд — хрупкая аристократка из высшего общества, сбегавшая с бала. На деле — верховное существо, способное разорвать глотку взрослому волку за долю секунды.

— Тебе не зачитали приговор, потому что для таких, как ты, правила просты, — ровно произнес Итан, вглядываясь в тень, скрывавшую её лицо. — Архиепископ подпишет указ на рассвете. Тебя вывезут на центральную площадь в закрытой клетке и сожгут. Очищающее пламя — это единственное, что может избавить мир от твоей скверны. У тебя есть несколько часов, чтобы облегчить свою участь. Назови имена тех, кто укрывал тебя в городе, и я обещаю, что костер разведут из сухих поленьев. Ты сгоришь быстро. Без мучений.

Камера ответила ему тишиной. Только капли воды снаружи продолжали свой монотонный такт.

Итан нахмурился. Он привык к разной реакции заключенных. Одни выли, моля о пощаде, другие шипели, обнажая клыки и бросаясь на решетку, третьи пытались плевать кровью. Но это молчание начинало давить на нервы. Его ладонь непроизвольно легла на эфес меча.

— Ты меня слышишь, тварь? — Итан сделал полшага вперед. Тесный воротник орденского кителя вдруг показался ему слишком тугим.

И в этот момент она шевельнулась.

Медленно, с едва слышным шурхом бархата по каменным плитам, она подняла голову. Черные волосы упали назад, открывая безупречное, пугающе красивое лицо. У неё была кожа цвета дорогого фарфора, точеный нос и чувственные, неестественно алые губы, которые сейчас были плотно сжаты. Но самым страшным были её глаза. Огромные, сияющие в полумраке жидким серебром, бездонные. В них не было страха. В них не было даже злости. Там читалось глубокое, вековое, леденящее душу пренебрежение.

Она посмотрела на него. Прямо в глаза. Итан, прошедший через десятки сражений, почувствовал, как вдоль позвоночника пробежала волна первобытного, липкого холода. Ему стоило огромных усилий не сделать шаг назад.

— Капитан Итан Вейн... — её голос прозвучал неожиданно мягко, грудно, с легкой хрипотцой, которая обволакивала комнату, словно дорогой бархат. Этот голос совершенно не вязался с сырыми стенами подземелья. Он должен был звучать в роскошных замках, шептать на ухо секреты королям. — Защитник веры, гроза ночных улиц. Человек, который не знает пощады.

— Ты знаешь мое имя, — констатировал Итан, сильнее сжимая рукоять меча. — Значит, шпионы Ордена не ошибались. Ты давно следила за нами.

Она тихо, едва слышно рассмеялась. Звук её смеха был похож на шелест сухой листвы или звон тончайшего хрусталя. От этого звука у Итана зачесались ладони. Действие защитных амулетов, висевших у него под кителем, резко усилилось — они начали нагреваться, предупреждая об опасности ментального воздействия. Тварь пыталась играть с его разумом.

— Следила? О нет, капитан, — она качнула головой, и цепи отозвались глухим, тяжелым звоном. — Ваш Орден слишком высокого мнения о себе. Вы как муравьи, которые построили свой муравейник на старом кладбище и думают, что владеют этой землей. Вы ловите мелких падальщиков по подворотням и называете это великой войной. Но вы понятия не имеете, что такое настоящая тьма.

— Настоящая тьма сейчас сидит передо мной в цепях, — отрезал Итан, его голос налился сталью. — И эта тьма сгорит через четыре часа. Мне не нужны твои загадки, монстр. Мне нужны имена высших вампиров, которые вошли в совет города.

Героиня медленно потянула руки вперед. Звенья цепей натянулись с противным металлическим скрежетом, серебряные руны на кандалах вспыхнули ярче, глубже вгрызаясь в её кожу. Итан заметил, как из-под серебряных колец по её бледным рукам потекли тонкие, черные струйки мертвой крови. Но её лицо оставалось абсолютно спокойным. Она словно не чувствовала этой адской боли. Или боль была для неё чем-то привычным.

— Имена? — она чуть приоткрыла рот, и Итан на долю секунды увидел кончики её безупречно острых, длинных клыков. — А если я скажу, что те, кого ты ищешь, сидят не в совете города? Если я скажу, что твой собственный архиепископ пьет вино, разбавленное кровью девственниц, чтобы продлить свою убогую, дряхлую жизнь? Что ты сделаешь тогда, праведник? Обратишь свой меч против него?

— Ложь! — рявкнул Итан. Его шаг вперед был импульсивным, нарушающим все инструкции безопасности. Он оказался слишком близко к ней. — Твари всегда лгут перед смертью, пытаюсь посеять сомнения в душах верующих. Это твое последнее слово? Ты выбираешь огонь?

Она не ответила. Вместо этого она сделала глубокий, медленный вдох через нос, словно втягивала в себя весь воздух в этой тесной камере. Её серебряные глаза хищно сузились, а зрачки расширились, почти полностью поглотив радужку.

— Твоя кровь... — прошептала она, и в её голосе впервые проступила дикая, голодная, пугающая глубина. Настоящее чудовище, скрывающееся под маской аристократки, на мгновение показало свою морду. — Она пахнет полынью, порохом и... горьким страхом, капитан. Очень редкий, породистый коктейль. Ты ведь не спал двое суток? Твое сердце бьется так быстро, так тяжело... Оно буквально выпрыгивает из груди. Бум. Бум. Бум. Я слышу его так четко, словно держу в своих пальцах.

Итан застыл. С ужасом он осознал, что её слова действуют на него странным, парализующим образом. Его собственное сердце действительно стучало как сумасшедшее, отдаваясь гулом в ушах. Воздух в камере стал настолько густым, что его трудно было вдохнуть. Защитные амулеты на его груди теперь не просто грели — они буквально жгли кожу сквозь рубашку, металл раскалился, но Итан не мог пошевелиться.

Она медленно подалась вперед, насколько позволяли натянутые до предела цепи. Натяжение было таким сильным, что одно из звеньев серебряной цепи с тихим звоном треснуло, но удержалось. Между лицом Итана и лицом вампириши оставалось не больше полуметра. Он чувствовал её ледяное, мертвенное дыхание, которое странным образом пахло дикими розами и свежим железом.

— Ты думаешь, что ты мой тюремщик, Итан Вейн? — тихо, почти интимно спросила она, глядя на него снизу вверх. Её губы дрогнули в едва заметной, торжествующей улыбке. — Ты думаешь, что эти жалкие железки могут удержать ту, что видела рассвет и закат трех человеческих цивилизаций? Вы поймали меня только потому, что я позволила вам это сделать. Мне нужно было попасть внутрь этой цитадели. И мне нужен был ты.

Капитан попытался перехватить рукоять меча, но пальцы правой руки словно налились свинцом и не слушались. Ментальное давление, исходящее от этой женщины, было сокрушительным. Она не использовала магию в привычном понимании — она просто подчиняла себе само пространство вокруг.

— Почему... я? — сквозь зубы, с огромным трудом выдавил из себя Итан. Лоб капитана покрылся крупными каплями пота.

Вампириша наклонила голову набок, её взгляд скользнул по его сильной шее, остановившись прямо там, где под кожей тяжело пульсировала сонная артерия. Она сделала еще одно короткое движение вперед, и её кандалы заскрежетали по камню стены, вырывая штыри из гнезд с мелкой крошкой.

— Потому что из всех псов этого Ордена только у тебя осталась живая, не выжженная фанатизмом душа, — прошептала она, и её серебряные глаза вспыхнули голодным, порочным блеском. — И я возьму эту душу себе. Ты сам придешь в мою камеру следующей ночью, капитан. Сам откроешь эти замки. И сам подставишь мне свою шею. А теперь... зови своих стражников. Наш первый допрос окончен.

В этот же миг парализующий туман, сковавший тело Итана, резко рассеялся. Огромная ментальная волна отпустила его, и капитан, тяжело дыша, отшатнулся назад, едва не задев спиной тяжелую дверь камеры. Сердце бешено колотилось в груди, амулеты на теле начали медленно остывать, оставляя на коже болезненные красные следы от ожогов.

Она снова сидела неподвижно, опустив голову, скрытая тенью своих длинных черных волос. Цепи висели натянутыми, серебряные руны продолжали жечь её кожу, словно ничего не произошло. И только легкая, едва заметная улыбка на её алых губах напоминала о том, что произошло секунду назад.

Итан тяжело, судорожно вздохнул, нащупал позади себя ручку двери и резко дернул её на себя, буквально вываливаясь в освещенный факелами коридор подземелья.

— Капитан? Все в порядке? — к нему тут же подскочил испуганный часовой, заметив бледность и взъерошенный вид своего командира.

Итан облокотился спиной о холодную стену коридора, пытаясь унять дрожь в руках. Он посмотрел на закрытую дверь камеры, за которой скрывалось самое опасное существо, с которым ему когда-либо приходилось сталкиваться. Существо, которое только что пообещало забрать его душу. И самое страшное было в том, что глубоко внутри, под коркой инквизиторского долга, Итан почувствовал дикий, первобытный, запретный страх... смешанный с непреодолимым желанием вернуться туда снова.

— Капитан? — повторил часовой, вглядываясь в лицо командира.

— Усилить охрану, — хрипло, едва узнавая собственный голос, приказал Итан, поправляя воротник кителя, под которым все еще горели ожоги от защитных амулетов. — Никому не приближаться к камере без моего личного приказа. И... приготовьте карету на рассвет. Мы возедем её на совет.

Он развернулся и быстрыми, почти суетливыми шагами направился прочь из подземелья, стараясь не думать о том, что в темноте за его спиной звучит безмолвный, торжествующий смех.

Глава 2. Клеймо

Солнце над столицей вставало тяжелое, багровое, словно напивавшееся ночным туманом. Бледные лучи неохотно пробивались сквозь узкое стрельчатое окно капитанской канцелярии, разрезая полумрак полосами пыльного света.

Итан Вейн стоял у окна, опираясь ладонями о дубовый подоконник. Он так и не заснул. Стоило ему закрыть глаза, как серая пелена сна тут же взрывалась жидким серебром чужих глаз, а в ушах начинал звучать мягкий, вкрадчивый шепот: *«Ты сам подставишь мне свою шею...»*

Капитан тряхнул головой, отгоняя наваждение, и резко расстегнул крючки форменного кителя. Рубашка под ним была влажной от пота. Схватившись за ворот, Итан потянул ткань вниз, оголяя широкую грудь, покрытую старыми шрамами от когтей и клинков. Но его взгляд приковал не старый боевой опыт, а то, что появилось на коже всего несколько часов назад.

Там, где серебряные защитные амулеты соприкасались с телом, кожа выгорела до мяса. Ожоги от священного металла должны были быть ровными, округлыми. Но эти... Итан коснулся пальцами воспаленной кожи, шипя от резкой боли. Три уродливых, багровых следа сходились к центру груди, образуя четкие очертания трех переплетенных линий. Древний рунический знак. Метка подчинения, которую в старых гримурах называли «печатью вечной

жажды». Она не просто выжгла его амулеты — она оставила на нем свое клеймо сквозь серебро, сквозь веру. Сквозь саму его суть.

— Капитан? — в дверь коротко постучали, и в кабинет заглянул лейтенант Магнус, его правая рука. — Карета подана к южным воротам цитадели. Конвой из двенадцати тяжелых всадников готов. Архиепископ прислал личное распоряжение: доставить заключенную в Тайную Палату без промедления. Светский суд отменен. Ее будут судить за закрытыми дверями.

Итан поспешно застегнул рубашку, скрывая клеймо, и натянул китель. Каждое движение отзывалось адской, пульсирующей болью в груди, словно под кожей все еще тлели угли.

— Вы вывели её? — спросил Итан, затягивая португую с тяжелым палаческим мечом.

— Да, сэр. Но с ней что-то не так, — Магнус замялся, переминаясь с ноги на ногу. — Она... она не сопротивляется. Когда кузнецы набивали на неё дополнительные кандалы, она просто улыбалась. Парни бледнели, у двоих кровь носом пошла от одного её взгляда. Капитан, может, стоит вызвать высших иерофантов для конвоирования? Молитвы обычных рекрутов против такой твари — как солома против огня.

— Нет времени, — отрезал Итан, проверяя, легко ли ходит клинок в ножнах. — Архиепископ требует её на рассвете. Если мы задержимся, нас самих обвинят в ереси. Идем.

Внутренний двор цитадели Святого Креста встретил их пронзительным утренним ветром. Огромная черная карета, больше похожая на железный склеп на колесах, стояла в окружении конных инквизиторов. Лошади нервно фыркали, перебирали копытами и косили глазами на закрытые ставни экипажа — животные чуяли хищника за версту.

Итан подошел к карете. Железные засовы были заперты, на стыках дверей висели тяжелые сургучные печати Ордена. Внутри было тихо. Но Итан кожей, каждым волоском на теле чувствовал, что она смотрит на него сквозь толстое дерево и железо. Печать на его груди отзывалась новой волной жгучей боли. Она знала, что он здесь.

— По коням! — скомандовал Итан, легко взлетая в седло своего вороного жеребца. — Двигаемся по старой трактовой дороге через низину. Там меньше людей. Не хватало еще поднять панику в торговых кварталах.

Они выехали за ворота цитадели, когда солнце едва оторвалось от горизонта. Грохот колес по брусчатке сменился глухим стуком копыт по раскисшей от ночного тумана лесной дороге. Столица оставалась позади, укутанная серым саваном смога и испарений. По обе стороны тракта тянулся древний, густой лес, где вековые дубы переплетались ветвями, создавая вечный полумрак даже в солнечный день.

Итан ехал впереди отряда, держа руку на рукояти меча. Напряжение внутри него росло с каждой минутой. Его обученное чутье охотника, которое никогда не подводило, буквально кричало об опасности. Но опасность исходила не от кареты за его спиной. Лес вокруг казался слишком тихим. Не пели птицы, не шумел ветер в кронах деревьев. Всё словно замерло в ожидании удара.

— Магнус, — тихо позвал Итан, придерживая коня, чтобы лейтенант поравнялся с ним. — Держи самострелы наготове. Что-то не так.

— Туман слишком густой, капитан, — отозвался лейтенант, всматриваясь в серую дымку, которая стремительно выползала из чащи, затапливая дорогу. — Лошади слепнут.

Туман сгушался неестественно быстро. За какие-то пару минут он стал настолько плотным, что Итан едва видел уши собственного коня. Белая, холодная взвесь пахла... сырой землей и старой кровью. Тот самый запах из камеры.

«Они идут за мной, капитан...» — вдруг отчетливо прозвучал в голове Итана её смеющийся голос.

Капитан резко обернулся, его сердце пропустило удар. Разумеется, карета была заперта, но этот ментальный шепот был настолько реальным, словно она сидела прямо позади него на лошади, обнимая его за плечи своими ледяными руками.

— К бою! — рявкнул Итан, выхватывая меч из ножен. Клинок со свистом разрезал туман. — Круговая оборона! Прикрыть карету!

В ту же секунду тишину леса разорвал резкий, свистящий звук. Тяжелая арбалетная стрела с черным оперением пробила кольчугу одного из инквизиторов. Мужчина с глухим хрипом повалился со скакуна прямо под копыта товарищам. Из серой пелены тумана беззвучно, словно призраки, начали вырастать человеческие фигуры.

Но это были не вампиры.

На нападавших были тяжелые, пропитанные воском плащи, а под ними блестели доспехи... Инквизиторского Ордена. Вот только вместо святых жетонов на их груди висели черные, перевернутые распятия, а лица скрывали глухие железные маски-личины.

— Предатели! — крикнул Магнус, разворачивая коня и вскидывая самострел. — Это каратели из личной гвардии Архиепископа! Что происходит?!

— Не рассуждать! Руби их! — приказал Итан, направляя жеребца прямо на ближайшего нападавшего.

Завязался короткий, грязный и яростный бой. В тумане ничего не было видно дальше вытянутой руки. Слышался только звон стали о сталь, яростные крики людей, хрипы раненых лошадей и глухие удары тел о землю. Нападавшие действовали с пугающей, профессиональной жестокостью. Они не пытались захватить карету или освободить пленницу — они целенаправленно добивали коней конвоя и резали глотки раненым инквизиторам. Они зачищали свидетелей.

Итан отбил сокрушительный удар тяжелого топора, крутанул меч и вогнал лезвие прямо под подбородок нападавшему. Черная маска брызнула кровью, человек замертво рухнул на землю. Капитан тяжело дышал, рана на его груди горела так, словно туда плеснули кислоты. Метка требовала сил, она высасывала из него энергию, мешая двигаться с привычной легкостью.

— Капитан! — отчаянный крик Магнуса оборвался на полуслове. Итан обернулся и увидел, как его лейтенанта стаскивают с седла трое гвардейцев. Один из них безжалостно вогнал короткий кинжал в сочленение доспехов на шее парня.

Итан остался один. Из двенадцати его верных людей в живых не осталось никого. Конные нападавшие окружили его, сужая кольцо. Их было шестеро. Их мечи были покрыты странной, темной рунической вязью, которая слабо светилась в тумане. Оружие, созданное специально для убийства высших чинов Ордена. Свои убивали своих.

— Капитан Вейн, — раздался глухой, искаженный железом маски голос предводителя нападавших. — Бросьте меч. Архиепископ не держит на вас зла, но эта тварь в карете не должна доехать до Высшего Совета. Она должна умереть здесь, вместе со всем конвоем. Формально — на вас напали дикие носферату. Ваш орден получит посмертные почести. Не усложняйте нам работу.

Итан сплюнул кровь на растоптанную землю тракта. Его предали. Те, кому он молился, те, чьи приказы он выполнял безропотно всю свою жизнь, просто списали его как расходный материал, чтобы похоронить какую-то жуткую тайну своего святейшества.

— Поцелуйте дьявола в задницу, — хрипло процедил Итан, перехватывая меч обеими руками. — Орден не сдается.

— Жаль, — качнул головой маска. — Убить его. И подожгите карету. Термитная смесь уничтожит даже верховную кровь.

В этот момент, когда шестеро карателей одновременно двинулись на Итана, изнутри железной кареты раздался жуткий, оглушительный удар. Толстое дерево обшивки треснуло с сухим, пушечным треском. Тяжелые сургучные печати Ордена лопнули, разлетаясь мелкими осколками.

Каратели замерли.

Второй удар выбил тяжелую дубовую дверь кареты вместе с железными петлями. Она отлетела метров на пять, сбив с ног одного из гвардейцев и буквально раздавив его своим весом. Из проема кареты медленно, плавно, словно соткавшись из самого тумана, шагнула она.

Её руки все еще были скованы тяжелыми серебряными кандалами, но длинные цепи, которые должны были намертво удерживать её внутри склепа, теперь волочились за ней по земле, со скрежетом пересчитывая камни. На её лице не было и следа боли от серебряных ожогов. Напротив, в полумраке леса её кожа светилась мягким, жемчужным светом, а серебряные глаза горели таким яростным, торжествующим безумием, что даже кони карателей начали пятиться, дико хрипя.

— Вы прервали мою утреннюю прогулку, господа, — пропела она, и этот голос заставил кровь в жилах инквизиторов застыть. — И вы принесли столько свежей, горячей крови... Какая поразительная щедрость от слуг Святого Креста.

— Огонь! Стреляй в нее! — панически заорал командир карателей, забыв про Итана.

Двое гвардейцев вскинули тяжелые арбалеты, раздался сухой щелчок тетивы. Два болта, освященных в храме, полетели прямо ей в грудь. Она даже не попыталась уклониться. С молниеносной, нечеловеческой скоростью она взмахнула скованными руками — тяжелая серебряная цепь со свистом рассекла воздух, перебивая летящие стрелы на лету. Ошметки дерева и железа посыпались в грязь.

В следующую долю секунды она исчезла. Просто растворилась в тумане.

Один из арбалетчиков не успел даже вскрикнуть. Она появилась прямо за его спиной. Из подмышек её скованных рук вылетели цепи, захлестывая шею мужчины. Короткий, резкий рывок — и железная маска карателя неестественно провернулась назад с сухим, отчетливым хрустом ломающихся позвонков.

— Монстр! — командир карателей попытался ударить её мечом, но она скользнула в сторону, плавным, танцующим движением уходя от выпада. Её бархатное платье взметнулось, пачкаясь в крови убитых.

Итан заворуженно смотрел на эту бойню, не в силах пошевелиться. Это была не битва — это было абсолютное, безупречное доминирование хищника над добычей. Она двигалась так быстро, что человеческий глаз улавливал лишь смазанный силуэт и блеск серебряных глаз в серой дымке тумана. Через минуту все было кончено.

Пятеро элитных гвардейцев Архиепископа лежали в грязи. Их доспехи были вскрыты с легкостью консервных банок, а земля вокруг окрасилась в густой, багровый цвет. Она стояла посреди этого кровавого месива, тяжело дыша, её алые губы были испачканы свежей кровью одного из нападавших. Она медленно повернулась к Итану, который все еще сжимал в руках свой меч, едва держась на ногах от слабости и боли в груди.

Метка на его сердце пульсировала так сильно, что перед глазами капитана плыли темные круги.

— Ну вот и все, мой дорогой капитан, — тихо произнесла она, делая шаг к нему. Цепи с тихим звоном волочились по траве. — Твой любимый Орден вынес тебе приговор. Ты больше не защитник веры. Ты — труп, который забыли закопать.

— Почему... почему они напали? — сквозь зубы выплюнул Итан, чувствуя, как колени начинают подкашиваться.

— Потому что твой Архиепископ боится меня сильнее, чем гнева своего бога, — она подошла вплотную, её ледяные пальцы, испачканные чужой кровью, нежно легли на его бледную щеку. — Он знает, что если я заговорю на Совете, его святейший трон превратится в костер. Но теперь это не важно. Важно то, что у тебя больше никого нет. Кроме меня.

Итан почувствовал, как сознание стремительно покидает его. Силы, которые метка вытягивала из него все это утро, окончательно иссякли. Меч со звоном выпал из его ослабевших

пальцев, ударившись о камни. Капитан покачнулся и рухнул бы прямо в грязь, если бы её сильные, неестественно холодные руки не подхватили его, прижимая к своей груди.

Последнее, что он запомнил до того, как окончательно провалиться в спасительную темноту — это ощущение её ледяного дыхания на своей шее и её тихий, торжествующий шепот:

— Отдыхай, Итан. Наша игра только начинается. Теперь ты мой пленник.

Глава 3. Алтарь греха

Сознание возвращалось к Итану толчками, принося с собой волны тупой, изнуряющей боли. Прошло немало времени, прежде чем он смог разлепить веки. Над головой вместо мрачного лесного неба высился полуразрушенный, затянутый паутиной свод из серого камня. Сквозь проломы в крыше внутрь заброшенного монастыря проникали косые лучи заходящего солнца, окрашивая всё вокруг в тревожный, багряно-золотой цвет.

Капитан лежал на полу, привалившись спиной к основанию расколотого каменного алтаря. Его китель был грубо распахнут, а рубашка на груди пропиталась кровью. Рана от арбалетного болта, полученная в суматохе боя, глубоко воспалилась. Но куда сильнее горела метка — три проклятые линии на сердце пульсировали в такт его рваному пульсу, источая невыносимый жар.

— Очнулся, праведник, — раздался тихий, грудной голос из глубины нефа.

И

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.